

Валерий Ухандеев

г. Польшаево

Барьер сверхслова

Под пасмурную въедливость черствой действительности всветлился в память бездомной улицы размямленный убеленной слякотью день. Без четверти двенадцать. Этот последний упрямый прямой угол времени, сдвинул плечом в прошлое упавший навзничь, на земляное полотно, вселенски-весенний снег. И цепь следов одна, вторая тяжелее первой сдавили ему горло. Шаги — это

звенья ржавого скрипа, вчернившейся в засветную тишину. Снег уходит от действительности забирая меня с собой. И нас впускают в пустоту опустошённой ясности, той самой что была первым лепестком снегосогласия. На этом лепестке дрожала капля белого времени словно это молоко для младенческих губ первомгновения зимоисчесления.

Опора мысли черновик, черновик, дно литературного бездорожья, словом застенная сердцевина эго эстетики ископаемого образа. Незримое считанное с несчитанных ступеней, барьера смыслов сверхслова. Как перепад зазавтрешней беспомощности всех зеркал в отображении моего несуществования. И неуравновешанность воображения уравновешанная словосцветениями иерархии метаметафор.

Взгляд изначальный на себя, мысль еще пока лишь капля полуслова в капле чуждого всем Я. Моё Я это то что останется после бессмертия слововосзнаности в предзавтрешнем отрицании опубликованного доканонического Я.

Я прощаюсь, прощание есть мера всех вещей. И горсть грядущего незнания как возвательность прощания стирает края стихотворения.

Барьер сверхслова МОНО.ЛИТ. в воозарении последних метаметафор инопрощания.

Прощание, так хочется сказать: «Не верь, останови меня на полуслове». Как трудно, в детстве, мне давалась буква Р. И вот теперь заря дождя и капли разбивают свои лбы о стекла окон. А мне кажется, что заколачивают дверь времени.

